1-й экз.

Кооперація—научная практика взаимной помощи.
Элизе Реклю.

ПОЧИН

Кооперація разрушает созидая—новое, более разумное и справедливое.

Анархо-Кооперативный Листок.

№ 1. ДЕКАБРЬ, 1919 г. № 1.

Содержаніе. Кооперація и политика. — „Автономное правотворчество кооперації". — Приспособляемость кооперації. — Деньги. — От Редакціи.

КООПЕРАЦИЯ И ПОЛИТИКА.

Одно из излюбленных утвержденій кооператоров-практиков, это—что кооперація *аполитична*, стоит внѣ партій.

Дѣйствительно, чтобы достичь наибольших практических результатов, объединить наибольшее число членов, кооперація должна остаться в сторонѣ от прямых вожделеній политических партій. Непосредственная цѣль *частных организацій*, называемых политическими партіями,—стремленіе к достиженію власти, *к господству над всѣм обществом*. Это стремленіе настолько чуждо самым широким слоям народа, как крестьянство и промышленные рабочіе, что нынѣ правящая партия, послѣ двух лѣт неограниченнаго господства именем этих двух классов,—монополизировав печать, дѣло народнаго просвѣщенія, широко пользуясь государственными рессурсами и общественными службами для своей пропаганды и агитаціи,—по официальным данным едва насчитывает 300.000 членов (см. „Извест. В. Ц. И. К. № 210, 1919 г.). Нужно при этом замѣтить, что в это число входят многіе чиновники, служебная каррьера и сама служба которых цѣликом зависит от принадлежности к партіи и в незаинтересованности которых можно усомниться.

Сказанное в равной мѣрѣ относится ко всякой иной политической организаціи. Всѣ политическія партіи *по существу* схожи между собой.

Хороша была бы кооперація, если бы она связала свою судьбу с той или другой партіей и насчитывала, при самых благопріятных условіях... 300 тысяч приверженцев на всю Россію!

Кооперація по своей природѣ *добровольна*. Ей чуждо стремленіе насильственно кого-либо объединить и подчинить себѣ. Власть же, по опредѣленію Элизе Реклю, „ничто иное, как насилие". Понятно поэтому, что добровольная кооперація не может стать пособницей власти. В этом смыслѣ она дѣйствительно аполитична.

Кооперация на услуженіи у государственной власти, а тѣм болѣе обязательная государственная кооперація—безсмыслица.

Кооперація должна остаться свободной не только в своих средствах—по пріемам организаціи, но и *в выборѣ своих цѣлей*,—иначе она перестанет быть кооперацією.

Но может ли кооперація игнорировать государственную власть какова бы она ни была?

При всем своем желаніи она этого сделать не может, так как сама власть не игнорирует ее: при всяком государственном строѣ власть, в той или другой степени вмѣшивается в ея дѣятельность.

Но власть власти рознь, поэтому естественно, что кооперація держит фронт в сторону болѣе слабой, *менѣе централизованной* государственной власти, обѣщающей большій простор для ея самодѣятельности. Этим слѣдует объяснить уклон кооперативнаго движенія,—не в сторону той или другой демократической партіи, а к либеральному демократизму вообще. Этим же объясняется ея, с трудом заглушаемая оппозиція к централизованному абсолютизму, как к монархическому, так и к нынѣшнему партійному.

Тѣм не менѣе демократизм, даже либеральный, не идеал кооперації, а лишь меньшее зло.

Власть, даже самая свободная—строго конституціонная, даже самая блогожелательная—искренно соціалистическая, по своей принудительной природѣ противоположна кооперації.

Это прекрасно изложил Туган Барановскій в своем „Кооперативном идеалѣ", доказав, что в политическом отношеніи кооперація *анархистична*.

Для кооперації анархизм—ярко свѣтящій маяк, к которому она должна сознательно и открыто итти, не уклоняясь в сторону той или другой власти.

Подобно математической аксіомѣ, кратчайшій путь между дѣйствительностью и идеалом—прямой путь.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

„Автономное правотворчество кооперації".

У преддверія 20-го года 20-го вѣка мы живем в Москвѣ, как в дремучем бору. Общественная жизнь замкнулась по районам, по группам, по кружкам и с трудом просачивается из одной части города в другую. Нѣт свободной печати, этой пробудительницы мысли,—порабощенной у нас „великой державы", признанной в свое время даже Бисмарком.

Случайно мнѣ попалась в глаза на столбцах одной недѣльной, нынѣ покойной газетки замѣтка, что в обществѣ юристов-кооператоров гр. Даль прочел доклад на тему об „автономном правотворчествѣ кооперації".

Каковы тезисы доклада гр. Даля мнѣ не привелось узнать, но само названіе многовѣщательно.

Автономное правотворчество — каков смысл этих слов?

Правотворчество или законодательство составляет прерогативу государственной власти. Автономное законодательство означало бы установленіе своих независимых законов,—т. е. норм взаимоотношеній той или другой группы людей,—в государствѣ.

Существует ли гдѣ-либо такое, на первый взгляд парадоксальное явленіе?

Да, существует. В варварских государствах, в Турціи, Персіи, Китаѣ и иных отсталых странах. Оно называется *капитуляціей*.

Сущность капитуляцій заключается в том, что иностранцы, проживающіе в упомянутых странах изъяты из-под воздѣйствія мѣстных законов и подлежат юрисдикціи своих стран, осуществляемой консулами.

В странѣ древнѣйшей „культуры", в Персіи, до сих пор примѣняются такія наказанія, как отсѣченіе кисти руки за кражи и поджоги, пригвожденіе за ухо к столбу за порнографію, отрѣзаніе ушной раковины и тому подобныя возмездія, уж не говоря о систематичном примѣненіи колод в тюрьмах или публичном сѣченіи по пятам. Пишущему эти строки пришлось, как врачу, самому лечить обрубки всѣх пяти пальцев правой руки у *заподозрѣннаго* в поджогѣ юноши. Послѣ таких „операцій" палач погружает обрубок члена в кипящую смолу, чтобы остановить кровотеченіе.

За такія преступленія, как святотатство, вскрытіе реликвій и мощей, виновным по меньшей мѣрѣ вздернули бы головы назад желѣзными крючками за ноздри и перерѣзали бы горло (пріем смертной казни, практикуемый по-нынѣ в Персіи).

Понятно почему новѣйшія „цивилизованныя" государства так упорно не отказываются от капитуляціонных прав. Наши нынѣшнія россійскія власти, столь великодушно отказавшіяся от прав на капитуляціи, без сомнѣнія быстро отрезвились бы от своих самоопредѣлительных иллюзій, если бы находились в непосредственном общеніи с облагодѣтельствованными ими странами.

Но цивилизація от цивилизаціи отличается лишь ступенями. Если варварскія калѣченія и иныя тѣлесныя наказанія изжиты европейскими странами, то сколько еще сохранилось варварства в наших законодательствах и пенитаціонных пріемах, одинаково как в капиталистических, так и в „соціалистических" государствах!

Тюрьмы, одиночное заключеніе, ограниченіе в пищѣ и литературѣ, принудительныя работы, разстрѣлы заложников, смертная казнь...

А в области общественных служб и гражданских прав? Развѣ не варварство, чтобы ничтожная кучка людей, сговорившись в преступное сообщество—политическую партію, имѣла бы право и возможность направлять и уродовать по своему усмотрѣнію и для цѣлей своей партіи, народное просвѣщеніе? Или обирать населеніе произвольными налогами для своих партійно-государственных видов? Затруднять свободное передвиженіе людей разными паспортными системами? Или устраивать облавы?.. Всѣх диких пережитков, сохранившихся в современных государствах, не перечесть на столбцах маленького листка. Они—послѣдствія основного варварскаго пережитка: государственной власти и государственнаго законодательства.

Если автономное правотворчество кооперації является требованіем изъятія самодѣятельности кооперації из сферы воздѣйствія государственной власти, то такой лозунг можно лишь привѣтствовать.

Пора добиться прогрессивным теченіям в современной жизни,—в частности кооперації и профессіональным союзам,—*капитуляцій* со стороны государственной власти перед своимн правовыми нормами.

Но капитуляціи не даются добровольно, их нужно *взять* силой. Для этого кооперація, аполитичная, т. е. внѣ-партійная по своей природѣ, должна перестать быть политически мягкотѣлым организмом и ощетиниться всѣми своими рессурсами против вмѣшательства государственной власти, *какого бы цвѣта она ни была*, в свои внутреннія дѣла.

Право капитуляцій в отсталых странах нужно не упразднить, а расширить, распространить на наш внутренній строй, на варварскій пережиток—государственную власть.

А. А.

ПРИСПОСОБЛЯЕМОСТЬ КООПЕРАЦИИ.

Потребительные товарищества оказались очень жизнеспособными. Из рядов их членов выдвинулись выдающиеся организаторы и этими организаторами оказались рабочие. Прежде всего рабочий ткач Чарльз Говард дал человечеству самую идею потребительных товариществ, а в последнее время Холиок, Максуэль и Грей—механик, малер и железнодорожник—поставили английские товарищества на высоту, которой мы удивляемся.

Несмотря на то, что анархисты Запада относятся к потребительным товариществам далеко недружелюбно, утверждая, что „если бы завтра все люди, даже сами капиталисты, сделались кооператорами, остались бы несчастные и нищета“, остались бы и угнетенные, тем не менее, видя в потребительных кооперативах одну из форм взаимопомощи, часть русских анархистов высказывается за эту форму организации товарообмена. Интересно, что и проф. Туган Барановский, вплотную подошедший в конце своей жизни к анархизму, видел в этих товариществах учреждения, воплощающие до некоторой степени анархическую идею вольной, равноправной организации.

Тем не менее, нужна громадная выдержка, нужна громадная внимательность и серьезная работа для того, чтобы прекрасное по своей идее учреждение не было отравлено условиями буржуазной жизни. Мы видели, что многие западно-европейские товарищества обратились в простые торговые лавочки, до такой степени гоняющиеся за выгодностью торговых оборотов, что их члены всецело прониклись буржуазной психологией. Не говоря об эксплуатации приказчиков и рабочих, эксплуатации, свирепствующей даже в „рабочих“ потребительных товариществах Запада, сошлюсь на слова социалиста Д. Ирвинга, сказанные им на копенгагенском конгрессе и на письмо Л. Брентано к В. Тотомианцу: первый говорит об английских товариществах, что в них „масса членов состоит из либеральных и консервативных рабочих, которые именно благодаря кооперации проникаются антисоциалистическим духом“, а второй сообщает о сельских кооперативах Германии следующее: „Задуманная в начале на товарищеских принципах она (кооперация) сделалась вполне индивидуалистической. Она не изменила крестьян в моральном отношении, а сама заразилась их эгоистическим духом погони за прибылью... заняв места торговцев, кооперация сама заразилась их индивидуалистическо-любостяжательным ядом“.

Социалисты разных школ возлагали на кооперацию вообще. а на потребительные товарищества в частности, обманчивые надежды, которые сводились к тому, что кооперация преобразует капиталистическое общество в социалистическое общежитие. Но эти надежды не оправдались. Более того, по словам Генри Паррио, „в первое время социализм казался буржуазии каким то страшным драконом. Но кооперативизм обрезал когти чудовищу и чудовище стало домашним животным“.

Надо разумеется постараться, чтобы кооперативизм не сделал анархизм ласковым теленком, чтобы условия внешней жизни не сделали из потребительных обществ „школу торгашества“ (как они сделали это в буржуазно-капиталистическом обществе), чтобы они не сделали из них „школу торгового чиновничества“ (что грозит кооперации в социалистическом государстве). Можно указать несколько правил, которыми надо бы руководствоваться анархистам, организуя потребительные товарищества, но об этом в другой раз.

А. Карелин.

ДЕНЬГИ.

В ряду общественных служб, присвоенных государственной властью, так называемое *эмиссіонное право*, т. е. исключительное право на выпуск денежных знаков, занимает не послѣднее мѣсто; между тѣм анархисты обыкновенно или обходят молчаніем этот важный вопрос, или же разрѣшают наивным „упраздненіем денег“.

Уже на очень отдаленных ступенях цивилизаціи слитки цѣнных металов—первообраз звонкой монеты—замѣнили натуральный товарообмѣн. В дальнѣйшем люди убѣдились, что и в звонкой монетѣ нѣт надобности, достаточны письменныя обязательства, основанныя на довѣріи, т. е. векселя и чеки.

„Деньги, это—миф“, говорит Кропоткин шутя в пріятельской беседѣ. Он долгіе годы жил в Англіи и почти не видѣл денег, кромѣ мелкой монеты. Труд его вознаграждался чеками, чеками же он расплачивался с поставщиками продуктов и за квартиру. Денежные знаки надобились лишь для самых мелких и случайных расходов.

Векселя и передаточные векселя (чеки на предъявителя) примѣнялись с самых древних времен. Государственная власть присвоила монополію как на чеканку звонкой монеты, так и выпуска особых привилегированных векселей,—кредитных знаков, —для эксплуатаціи народа самым беззас-

стѣнчивым образом, доходящим до прямой фальсификаціи.

В Персіи, гдѣ в ходу серебрянная и золотая монета разных царствованій, стоимость их опредѣляется не номиналом, а дѣйствительной цѣнностью металла.

А развѣ мелкая серебрянная монета царскаго режима—серебрянная болѣе по названію—представляла из себя товарную цѣнность?

Развѣ западно-европейская никелевая и даже серебрянная монета соотвѣтствуют своей дѣйствительной себѣстоимости?

Но поразительной степени достигает обман и обираніе населенія в „цивилизованных" государствах при выпускѣ государственных кредитных знаков.

Кредитное довѣріе к государственной власти у всѣх народов очень относительно, а потому курс кредиток во всѣх странах колеблется. До каких крайних предѣлов может пасть довѣріе к государственной власти, мы это испытываем теперь на разных территоріях расчлененной Россіи независимо от их политическаго режима.

Пониженіе курса тяжело отражается на широких слоях населенія, главным образом при оплатѣ труда. Дороговизна не есть общее повышеніе стоимости продуктов и предметов потребленія, а пониженіе цѣнности денег. На этой почвѣ, судя по отрывочным казенным свѣдѣніям, в Западной Европѣ происходят волненія. Россія все сносит, ко всѣму ее пріучила столь желанная для многих „твердая власть".

Власть на дѣлѣ всѣм доказала, что деньги—фикція.

Но фикція лишь в матеріальном отношеніи, в дѣйствительности—необходимая, очень полезная цѣнность в моральном, как знаки взаимнаго довѣрія.

Любопытно отмѣтить на практическом примѣрѣ опроверженіе предразсудка будто довѣріем в эмиссіонно-финансовом отношеніи должна пользоваться лишь государственная власть. В Персіи выпуск кредитных знаков находится в руках *частной* англійской акціонерной компаніи под громким, но лживым названіем „Императорскій Банк Персіи".

Не умѣстно ли задать вопрос: если частная акціонерная компанія может пользоваться привилегіей на эмиссію кредитных знаков в обширной странѣ с многомилліонным населеніем, то не правильно ли было бы изъять эмиссіонное право из рук как партійных правительств, так и частных предпринимателей, и передать это право широким хозяйственным объединеніям населенія—*кооперації*?

Не заслуживает ли кооперація большаго довѣрія, чѣм государственная власть, эта разоблаченная уголовная преступница, систематично фальцифицирующая деньги-товар и деньги-довѣріе?

Ал. Атабекян.

ОТ РЕДАКЦІИ.

Задача настоящаго листка познакомить рядовых кооператоров с анархизмом и обратить большее вниманіе анархистов на кооперативное движеніе. Много лѣт тому назад Элизе Реклю указал, что „серьезные и искренніе анархисты могут многому научиться" у кооперативных союзов. С другой стороны не менѣе вѣрно, что вдумчивые кооператоры могли бы найти не мало принципіальных указаній в серьезной анархистской литературѣ для направленія своей практической дѣятельности. Тѣм не менѣе до сих пор нѣт анархо-кооперативнаго движенія.

„Почин" не имѣет в виду содѣйствовать возникновенію новой фракціи в анархизмѣ, рядом с анархистами-индивидуалистами, коммунистами и синдикалистами,—этими разными сторонами одного цѣлаго—единаго анархизма, а лишь пополнить по мѣрѣ своих сил существенный пробѣл.

Для изданія даже маленькаго органа нужны коллективныя усилія многих. „Почин" с радостью примет сотрудничество друзей и сочувствующих своей основной задачѣ, но, понятно, ограниченные размѣры и средства листка потребуют особеннаго тщательнаго выбора из матеріала, который может быть прислан.

Нынѣшняя финансовая разруха, граничащая с государственным банкротством, не дает возможность организовать изданіе на строгом началѣ кооперативнаго расчета между потребителями-читателями и производителями-издателями, поэтому „Почин" будет высылаться всѣм желающим, в расчетѣ на матеріальную поддержку со стороны читателей по их усмотрѣнію по мѣрѣ полученія ими послѣдующих номеров.

О поступивших средствах и произведенных расходах будут печататься отчеты. Если поступленія превысят расход, то это даст возможность развить и расширить орган; в противном случаѣ, понятно, он прекратит свое существованіе.

Запросы, матеріалы и деньги просим высылать по адресу:

МОСКВА, 1-й Дом Советов, комн. 219.
Тов. А. А. Карелину.